

Леди Совершенство

Анна-Лиза Саволайнен

Ежеутреннее наведение красоты для Анны-Лизы - ритуал ничуть не менее священный и обязательный, чем ежеутренняя разминка. Во-первых, потому что приличные девушки нечесанными лохмушками не ходят, каждая хоть несколько раз, но с утра расческой по волосам пробегает. Во-вторых, Саволайнен кажется, что свое лицо у нее от природы не слишком выразительное и даже где-то простоватое. Поэтому, пока в нужных местах его не подчеркнула и не преобразила должным образом, в люди и соваться нечего.

И еще в монастыре, конечно, черта с два отыщешь хорошее, большое зеркало, разве что в семейных домах у мастеров, быть может, есть. Анна-Лиза все собирается пойти в деревню, и там подобрать что-нибудь подходящее, и самовольно повесить у себя в комнате, да все никак не соберется, все откладывает. И потому каждое утро колдует над собой, вооруженная одним только маленьким, карманным зеркальцем.

Несложные, давным-давно заученные и привычные движения дают сбой в самом неподходящем месте - Саволайнен отвлекается на какую-то ерунду, и карандаш для глаз неожиданно выскальзывает из пальцев, бойко прокатывается по полу и выкатывается под дверь прежде, чем девушка успевает или подхватить его руками, или вспомнить, что она владеет телекинезом и может даже глазами мелкие вещицы ворочать. Вид у Анны-Лизы откровенно недокрашенный - брови уже подрисованы и чуть продлены к вискам, один глаз уже тоже подрисован и эффектно обведен, а вот второй, чистый и как будто лишенный контура, на лице откровенно теряется и смотрится странно. Но делать нечего, надо добыть карандаш, чтобы это исправить, и Саволайнен распахивает дверь как есть, с одним недокрашенным глазом, и грозными очами обводит коридор: иди сюда, мол, погань мелкая, пороть буду.

Эстер Хоук

Обычно Эстер не имела привычки прогуливаться по корпусу мастеров, но она довольно давно вынашивала план попросить тетушку Весну о занятии по травам, чтобы, наконец, решить, может ли она стать младшим мастером с ее уровнем знаний, или нужно еще поучиться. Только вот решение было пока еще слабеньким и Эсти была не уверена, стоит ли вообще беспокоить женщину по такому мелкому поводу. Ведь травы можно прекрасно учить самой, раз она может самостоятельно выходить в окрестности монастыря, чтобы собрать нужных трав.

Поэтому Эстер таскалась туда-сюда по веранде, то решаясь постучать в комнату тетушки, то наоборот, не решаясь и думая уйти, и на очередном витке ее мыслей она чуть не наступила на что-то, выкатившееся прямо под ногу. Эстер в последний момент перешагнула это что-то, и обернулась, чтобы рассмотреть это повнимательнее. Это оказался карандаш, но какой-то странный, она таких еще не видела. Вместо привычного грифеля у него было что-то, что напомнило Эстер губную помаду, только темного, почти черного цвета. Интересно, что рисуют таким карандашом?

Додумать свою мысль она не успела, потому что распахнувшаяся дверь явила ее взору разъяренную валькирию.

Эстер ойкнула и выперлась взглядом на девушку, которая с одним накрашенным

глазом выглядела не менее эффектно, чем если бы накрасила оба или бы не накрасилась вообще. Офигеть!

- Я вот нашла, - пискнула она, мгновенно принимая грозность взгляда красавицы на свой счет, что она ни в коем случае не хотела это богатство унести к себе в закрома, а наоборот, искала, кому отдать. - Кажется, это ваше? - и с вопросительным и виноватым видом протянула карандаш девушке.

- А для чего он? - не удержавшись, ляпнула Эстер, и вид ее из виноватого стал виновато-любопытствующим, ведь интересно же, для чего эта штука нужна.

Анна-Лиза Саволайн

Когда Анна-Лиза, вся из себя грозная и расфуфыренная, вылетает в коридор, оказывается, что весь ее чертовски боевой настрой был ни к чему и уходит в молоко. Вместо того, чтобы долго отыскивать карандаш, который по закону подлости вполне мог бы закатиться под какой-нибудь плинтус, и поминай как звали, Саволайн пронзает грозным взглядом тоненькую рыжую девочку, такую эфемерно-хрупкую, что, кажется, её таким взглядом можно по дури своей вообще на мелкие частицы рассеять. Анна-Лиза спешно придаёт лицу более мягкое и приятное выражение, умиряет пылающий огонь очей и уже дружелюбно отвечает: - Да, моё. Спасибо. Это, знаешь, так замечательно, что он попал именно к тебе в руки, - а не, скажем, закатился в какую-нибудь чужую комнату и выковыривай его оттуда как хочешь. Представив эту перспективу и мысленно сравнив её с тем, что вышло на самом деле, Анна-Лиза заключает, что ей страшно повезло, и начинает ещё интенсивнее лучиться благодарной улыбкой. И даже готова временно наплевать на то, что её боевой раскрас не завершён, отвечая на вопросы своей маленькой спасительницы.

- Это карандаш, чтобы на глазах себе рисовать, - благосклонно объясняет Анна-Лиза. И вместо того, чтобы многословно объяснять достоинства этой замечательной вещи, пользуется выпавшим ей уникальным шансом и доходчиво показывает на себе: - Левый глаз накрашен, правый - нет. Есть разница? - Вопрос риторический. Анна-Лиза сама прекрасно знает, что там той разницы целая пропасть, в метрах не измерить и с километрами тоже соваться нечего.

Эстер Хоук

- О! - выдала Эстер, рассматривая во все глаза наполовину накрашенную валькирию, которая доходчиво объяснила, зачем эта штука нужна на самом деле. В представлении Эстер этот карандаш теперь был приравнен к священному артефакту, который мог сделать девушку в стократ прекраснее. - Очень красиво! То есть, я хочу сказать, что и без накрашенного глаза красиво, но с накрашенным...

Она не закончила, потому что не смогла в достаточной мере объяснить свое восхищение этому преобразованию, когда обычный глаз становится выразительнее и ярче, стоит его только подрисовать таким вот карандашиком. Вот это настоящее волшебство, не иначе.

- А научите меня быть такой красивой? - стремительно краснея, попросила Эстер, втайне мечтая поскорее вырасти и превратиться из гадкого утенка в такого вот прекрасного лебедя. С накрашенными глазами. Хотя можно и без них, все равно прекрасного.

Вот оно, как раз то, что ей было нужно все это время! Чтобы ее научили быть красивой, и тогда она перестанет не нравиться себе самой и отыщет, наконец, внутри такого зверя, как уверенность в себе. Потому что сейчас ее было с гулькин

нос, если и не того меньше. Эстер казалось, что стоит ей только вот также нарисовать на себе новые глаза, как все решится само собой, прямо таки магическим образом. Иначе как еще объяснить, что этому карандашу отводится такая важная роль?

Определенно, это очень замечательно, что он попал к ней в руки. Подумать только, а если бы Эстер прошла мимо, и потеряла бы такую отличную возможность попробовать стать лучше, чем она есть. Только бы девушка согласилась, только бы согласилась...

Анна-Лиза Саволайн

- С накрашенным как будто совсем другим глазом, верно, я это и имею в виду, - кивает Анна-Лиза, донельзя довольная тем, что девочка с первого раза очень верно понимает смысл демонстрации и не нужно разжевывать и подолгу растолковывать ей все прелести макияжа. И то, что следом рыжая девчушка просит научить её делать так же - она, правда, произносит "быть красивой", но сути просьбы это не меняет, - кажется Анне-Лизе довольно логичным. После такой рекламы, почему бы и не родиться такой просьбе.

- Могу попробовать, - уточняет Саволайн, которая и рада бы быть уверенной в своих способностях педагога и учителя, да вот беда - ни разу в деле их не пробовала и потому совершенно не может их оценить. Анна-Лиза прикидывает, когда и сколько времени она может уделить девочке, получает, что у неё сегодня день практически свободный и утвердительно говорит: - Можем хоть прямо сейчас начать. Годится? Только тогда тебе придётся подождать, когда я лицо дорисую. Ненавижу ходить недокрашенной, - вздыхает Анна-Лиза. И протягивает руку за карандашом, который пока по-прежнему в руках у девочки. - Я - Анна-Лиза, рада быть знакомой. А как зовут тебя? - Саволайн честно напрягает память, но не может припомнить, виделись ли они с этой девочкой хоть на каких-нибудь занятиях, а стало быть, и попытаться вытащить имя ей неоткуда. Разве что угадывать - но это всё равно что пальцем небо долбить, занятие бессмысленное и отчасти хамское.

Эстер Хоук

- Годится-годится! - чуть ли не запрыгала от радости Эстер, сразу же забывая о том, что пыталась оббивать дверь тетушки Весны в просьбе провести занятие. Тетушка же Весна никуда не денется, а эта благосклонная красавица с одним накрашенным, и вторым не менее прекрасным, глазом может и передумать или потом не захотеть проводить подробный ликбез по использованию магических карандашиков. - Конечно, я подожду, сколько нужно. А можно мне посмотреть? Я буду тихо сидеть. Пообещала она. Вот честное слово, даже не пискнет и дыхание задержит, чтобы вопросами своими неуместными не приведи Господи сбить руку красавицы, пока она будет рисовать второй глаз. Потому что дело-то ответственное, это не просто так. Красивой быть - это работа. У Эстер даже немножко голова кружилась от того, что это же каждый Божий день рисовать лицо на себе надо, чтобы быть красивой, но зато наградой тебе будет удивительное отражение в зеркале, а не вот это вот...вот это...ее бледное лицо.

- Меня зовут Эстер, можно просто Эсти, - добавила она, представляясь в ответ. Анна-Лиза, что за чудное нежное имя, прямо так и перекачивается на языке - А-а-анна-Ли-и-иза! У Эстер никогда не было знакомых с такими прелестными двойными именами, хотя, кажется, на соседней улице дома, в Сент-Айвсе, жила девочка с именем Мэри-Кейт или Мэри-Джейн, она была на пару лет старше и поэтому вела

себя возмутительно высокомерно. А еще она нравилась Седрику, но это был очень большой секрет.

От предвкушения Эстер переступила на месте, даже с некоторым сожалением выпуская из пальцев заветный карандаш. Она обязательно купит себе такой же, когда будет в городе вот прямо название себе запишет и точно такой же купит. Ох, подумать только, сейчас ее научат быть красивой, вот прямо сейчас-сейчас. А она обязательно поделится этим знанием с Дарсией. Она, конечно, и без карандашей всяких выглядит замечательно, но красоты, по-скромному мнению Эсти, много не бывает.

Анна-Лиза Саволайнен

- Тогда проходи, раз годится, - приглашает Анна-Лиза, широко и гостеприимно распахивая дверь. - Смотреть можно, конечно! Ты мне ничуть не помешаешь, не имею привычки дрожать руками, - покачивает головой Саволайнен. Более того, она была даже разрешила всех желающих полюбопытствовать на это зрелище собрать, если после просмотра каждый скинется хотя бы по центу. Рука у Анны-Лизы твёрдая, не вздрагивает и не подводит при виде публики. Да она в юности, проспав и куда-нибудь опаздывая, докрашивалась где попало, чаще всего в общественном транспорте, а иногда и вовсе ресницы красила уже на бегу. Что ей теперь любопытный взгляд одного увлеченного зрителя, разве это помешает?

Вернувшись в свою комнату, Анна-Лиза садится обратно на циновку, взмахом руки предлагает Эстер занять любое другое свободное место, какое больше глянется. Сама же Саволайнен вновь берется за маленькое зеркальце, глядя в него, чётко выводит контуры второго глаза, стараясь в точности повторить то, что изобразила на первом - микроскопические расхождения если и есть, то кто их заметит? - потом длинной кисточкой растушевывает по векам тени, проходится по ресницам чёрной тушью, а потом передаёт зеркальце Эстер. И просит: - Посмотри внимательно. Что самой не нравится? Что критично? Почему, тебе кажется, ты не красавица сейчас?

Пока Эстер рассматривает себя в зеркальце, Анна-Лиза пользуется краткой паузой и без помощи зеркала ловко накладывает блеск для губ. После этого Саволайнен откладывает от себя косметику полностью - с собой справилась, свое лицо выше всяких похвал, теперь можно полностью и со всем возможным вниманием заниматься лицом Эстер.

Эстер Хоук

Эстер пристроилась в уголочке и замерла, словно боялась даже шевельнуться, и впиалась внимательным взглядом в Анну-Лизу, чтобы не пропустить ни единого движения руки, уверенно держащей этот заветный карандаш. А из под него, словно из-под кисти талантливого художника, уже появлялся второй четко очерченный выразительный глаз, который очень скоро сравнялся с первым по своей выразительности и красоте. Эстер забыла, как дышать, от того, что вот прямо на ее глазах вершится такое чудо, и она даже немного к этому причастна, это ведь она вернула карандаш обратно Анне-Лизе. Стоило бы хоть немного возгордиться собой, но вместо этого Эстер чувствует, что ей никогда не стать такой же эффектной красавицей, ну вот не то она, и все.

Тем временем Анна-Лиза закончила краситься и передала ей маленькое зеркальце. Перво-наперво Эстер хотела категорично ляпнуть "ВСЕ! ВСЕ не нравится! Все не такое!", но сдержалась, потому что это было не совсем правдой. Вот, например, волосы она свои иногда очень любила, когда они не упрямились и поддавались

расческе и не кудрились во влажную погоду. Правда, они не были шикарно-светлыми, как у Анны-Лизы, или темными, вороного крыла, что наверняка было бы намного красивее, но и рыжие тоже ничего. Как у ведьмы какой-нибудь. Придирчиво осмотрев себя в зеркало, потому что ответственно подошла к выданной ей задаче, Эстер опустила его и принялась перечислять:

- Кожа ужасно бледная и веснушчатая, и глаза с губами совсем не видно. И губы вообще. Что это за губы такие? Почему они такие?

Такие большие, но некрасивые, и какие-то не как обветренные, не то как будто ее осы покусали. Наверное, даже хорошо что они бледные, потому что будь они ярче, они бы были еще ужаснее.

- Хочу чтобы глаза были такие...такие...красивые! Яркие! Выразительные! Как у вас! - наконец нашлась она с пожеланиями.

Анна-Лиза Саволайнен

Пока Эстер рассматривает себя в зеркальце, Анна-Лиза, в свою очередь, тоже внимательно рассматривает девочку. Она уже всю примеряет на себя роль визажиста, и пытается заранее понять, что и как можно начертить косметикой на этом светлом личике, чтобы потом было чуть проще подходить уже к конкретным пожеланиям Эстер - которых та сперва перечисляет много, и, хоть и останавливается потом только на одном, Саволайнен совершенно не видит причин, почему бы не попытаться учесть эти пожелания все.

- Губы тоже можно, - уверенно говорит Анна-Лиза и раскладывает косметику на столе, словно хирург - инструменты. Как у девушки безмерно увлекающейся, косметики у неё целый патронташ, есть даже отдельные маленькие миленькие штучки, которые Саволайнен сцапала, прельстившись красивым цветом или вообще необычной упаковкой, которыми и пользуется из любопытства и строго для себя перед зеркалом, потому что вообще-то ей такие цвета не идут. И теперь есть возможность весь этот патронташ пустить в дело, которая Анну-Лизу сильно радует. Она даже готова в финале часть своих запасов подарить Эстер - только сперва, конечно, надо выяснить, пойдет ли девочке что-то из этого. - Ну-ка, дай ладошку?

По протянутой к ней руке Эстер блондинка коротко мажет тональником, оставляя на внутренней стороне нежного запястья узкий росчерк. На постоянной основе Анна-Лиза пользуется двумя оттенками тонального крема: одним - когда её на солнце столет не было и вторым - когда она на том солнце явно переторчала. Первый сейчас на светлом запястье Эстер смотрится чересчур тёмным, так, что Саволайнен на миг ощущает себя крестьянской вечно чумазой и ужасается, а второй явно и пробовать смысла нет. Анна-Лиза недовольно хмурится, потом вспоминает, что у неё есть в заначке ещё один цвет, коротко говорит: - Минуточку, - и отправляется искать.

Нужный тюбик находится в кармане одной из курток. Анна-Лиза его одолжила у Эльзы, ещё чище самой блондинки фанатеющей по тому, что можно себе на лицо красиво намазать, один раз провела эксперимент, нашла, что выглядит в этом цвете как маска из театра Кабуки, и на том с экспериментами покончила. У Эстер же кожа светлее, на её запястье этот тон смотрится куда менее неуместно, и Анна-Лиза принимает волевое решение попробовать. Саволайнен деловито объясняет: - Когда на лице ничего, кроме глаз, нет, это тоже плохо. Сделаем все лицо, ты не против? У тебя не будет проблем с тем, что я буду трогать тебя за лицо руками? - Ответа Анна-Лиза не дожидается, она предупредила, что будет трогать, вот и весь сказ. Саволайнен выдавливает немного крема себе на тыльную сторону ладони, решительными точками наносит его на лицо Эстер, потом растушевывает ловкими

движениями пальцев по щекам, подбородку и лбу девочки и командует, откладывая тюбик: - Поддержишь немножко, смахнем лишнее и продолжим. Но, по-моему, оттенок твой, - удивительно даже, какое везение. И Анна-Лиза невольно задумывается, не сгонять ли ей через жилой корпус за Эльзой, чтобы распотрошить косметику ещё и у той. Вдруг там найдётся ещё что-то столь же подходящее. - Пока ждём, могу просто что-нибудь порассказывать, хочешь? Спросить что или просто анекдот услышать?

Эстер Хоук

Пока Анна-Лиза раскладывала на столике многочисленную косметику, Эстер, кажется, забыла, как нужно дышать, с раболепным благоговением взирая на многочисленные сокровища, появляющиеся прямо перед ней, и ей даже немного казалось, как будто она присутствует при добыче какой-нибудь священной реликвии. Сколько же здесь всего, и карандаши, и кисточки, и тюбики, и футлярчики и много-много ещё чего, и вот это все совершенно необходимо, чтобы быть красивой. Эстер тихонечко выдохнула, словно боялась, что ее дыхание сможет сдвинуть с места что-то из этого богатства, что нарушит этот идеальный неприкосновенный, космический порядок во всей косметике Анны-Лизы, и даже на просьбу дать руку отреагировала немного запоздало, но очень покорно, уверенная, что сейчас над ней будут творить настоящее волшебство. И за пробами подобрать ей подходящий оттенок чего-то, какого-то крема, который не белый, а какой-то бежевый, наблюдает с расширившимися от восторга глазами, особенно когда Анна-Лиза находит тот, что почти сливается с ее кожей на запястье. Неужели так бывает?!

- Нет-нет, я не против! - торопливо заверила она, потому что ей не терпелось, чтобы уже приступили к созданию из нее красавицы, и она была готова стерпеть не только то, что ее за лицо будут трогать, но и вообще все что угодно. Сама же попросилась, а теперь на попятную? Ну нет уж, только не сейчас. Она послушно замерла на месте, подставляя лицо Анне-Лизе, хоть и совершенно не представляла себе, что с ним творят. Да что угодно, на самом деле!

- А зачем ждать? - осторожно спросила она, когда Анна-Лиза велела ждать. Она, конечно же, собиралась последовать ее совету и ждать, но интересно было, зачем. - А много времени нужно, чтобы стать красивой вот такой? Это ведь каждый день нужно делать?

Наверное, она всю жизнь об этом сможет говорить и говорить, чтобы узнать все подробнее. И потом еще спросить не забыть про карандаш, да и про все остальное тоже, правда, тут наверное все не упомнишь, нужно будет записывать на листочек, чтобы не забыть ничего важное. Вдруг без какого-нибудь карандаша получится уже не так.
